

ЛЮБОВЬ

Кафе в центре города. Самое обычное. Мужчина в возрасте в аккуратном, ладно скроенном пиджаке и уже немодной шляпе направляется к прилавку. Лицо его гладко выбрито, а в глазах бесконечная усталость. Он делает заказ на две персоны.

— Как всегда? — спрашивает узнавший его бармен.

— Да, пожалуйста, — немногословно отвечает посетитель.

На подносе появляется небольшой графинчик водки, бокал красного сухого вина, тарелка дымящихся пельменей, селедочка, прикрытая кольцами репчатого лука, и винегрет.

Неторопливо мужчина направляется к столику у окна. Привычными движениями снимает с подноса тарелки, вилки, ножи, графинчик со стопочкой и бокал, налитый до самых краев, со стекающей по наружной стороне винной слезой.

Все это переключивает на стол в определенном порядке, как будто мужчина собирается трапезничать совместно еще с кем-то. Однако никто другой не появляется, а таинственный мужчина приступает к обеду без промедления.

Он не торопится. Периодически кивает головой, как бы соглашаясь с невидимым собеседником. Содержимое графинчика убывает, тарелка из-под пельменей отставляется в сторону. Необычный посетитель откидывается на стуле и расстегивает верхнюю пуговицу пиджака.

Что-то отвлекает его внимание на улице. Он рассматривает происходящее за стеклом, поворачивает голову и, как бы мысленно чокаясь с невидимым сотрапезником, опрокидывает очередную неполную стопочку. Закусывает последним кусочком рыбы, умудрившись подцепить еще и последнее кольцо лука.

Из бокового кармана пиджака он вытягивает клетчатый носовой платок, выглаженный и с четкими сгибами. Платком вытирает губы и, согнув платок еще пополам, бережно отправляет его обратно.

Он еще несколько минут сидит молча, всматриваясь то перед собой, то в стол. Затем поднимается, водружает на голову шляпу, застегивает пуговицу и отправляется к выходу.

На столе нетронутыми остаются бокал вина и винегрет.

ЧЕЛОВЕК, ЗАПУСКАЮЩИЙ В НЕБО СОЛНЦЕ

Он сидел передо мной и вяло жаловался на свою жизнь.
— Доктор, я устал каждый раз вставать ни свет ни заря. Я хочу наконец выспаться как все нормальные люди.

В медицинской карточке я прочитал запись, которую оставил другой психотерапевт. Суть сводилась к тому, что пациент жалуется на нарушение сна, но при этом ни в какую не соглашается пользоваться снотворными.

— А что вам мешает, уважаемый Сергей Петрович?

— Не могу я, доктор.

— Отчего же?

— Не могу, и всё.

На лице у пациента проявилась гримаса муки. Видно было, что ему физически тяжело нести эту ношу невысыпания, которую пришлось по какой-то причине взвалить на себя.

— Ладно, Сергей Петрович, днем-то вам удастся поспать?

— Да, спасибо. Но это ведь только здесь, а выпишите меня, и где я найду эту возможность.

— Хорошо. Я подумаю, чем вам еще помочь. Идите к себе в палату.

В голове оставался неразгаданным ребус с этим Сидельниковым. Что-то по-настоящему серьезное не дает покоя этому человеку выспаться. Работает в «Рембыттехнике» часовым мастером. На хорошем счету. Только вот вымотался определенно. Осунулся. Глаза впалые. Кожа серая будто осеннее небо перед грозой. Да и вообще какой-то он тусклый и вялый.

Правда, простой астенией здесь все не объяснишь. Лечили его терапевты, были капельницы, витамины, уколы, прогревания. А он как хвощ перед зимой — высохший и унылый.

Надо показать его Виктору Степановичу.

— Виктор Степанович, вы на месте? — произнес я в трубку, когда на том конце провода лениво ответили.

— Да. Что-то случилось? Не стесняйтесь, дорогой, говорите.

— Виктор Степанович, случай у нас интересный есть. Никак не могу разобраться. Не хватает чего-то. Не понимаю я этого больного.

— Ведите его ко мне. Поглядим вместе. Давайте сразу же после обеда, хорошо?

— Ждите. Спасибо огромное, Виктор Степанович.

Виктор Степанович, кажется, всю жизнь был главным врачом диспансера. Уже тогда, когда, будучи студентами, мы заслушивались его лекциями по психиатрии про заболевания и нарушения в психике известных писателей и поэтов, про необычные синдромы и экзотические психические заболевания — Жилия де ля Туретта, пинежской икотки, пляски святого Витта.

В то время он был лощеным поджарым психиатром. Костюм с иголки, бабочка вместо привычного галстука, идеальные туфли из натуральной кожи, каких не увидишь больше ни на ком.

Он вообще был уникальным, вдумчивым и одновременно легким. Он, казалось, не обдумывал сложные диагнозы, а чувствовал их, как чувствует запах шашлычного мяса у далекого костра собака за многие сотни метров. У него в буквальном смысле слова было чутье на психические болезни.

Сейчас уже прошло более двадцати лет с нашей первой встречи. Лоск сохранился, но не везде. Он все чаще облачался в белый халат. Теперь уже можно было увидеть и пятно на брюках, и крошки в усах после обеда. Но хватка и нюх на болезни остался.

— Здравствуйте, голубчик. На что жалуетесь? Вот тут ваш доктор рассказал, что не можете позволить себе выспаться. Отчего же? Расскажите мне.

Больной как-то замешкался от необычности ведения разговора. Казалось, что даже послышалось прокручивание старых несмазанных подшипников в его мозгах.

— Не могу, и все.

— Кто-то не разрешает, что не можете? Или сами по себе?

— Как же тут сами. Скажете тоже.

— Тогда кто же?

— Не могу я по утрам спать.

— А то что же?

— Солнце не встанет.

— Вы, что ли, его поднимаете?

— Верно.

— Ответственный, что ли, голубчик?

— Ох уж мне эта ответственность. Дома, на работе — это куда ни шло. А вот с ним, окаянным, уже не могу.

— И что же делать теперь?

— Уж и не знаю, но ведь его не отменишь. Не скажешь, что поспите подольше, я тут выспаться хочу, поэтому вы в темноте посидите. Нехорошо это.

— А другому кому поручить?

— Где ж такого ответственного найдешь?

— Вы же нашлись.

— Я — другое дело.

— А мне поручи.

— Вам? — пациент внимательно осмотрел Виктора Степановича, выдержал паузу и огласил вердикт: — Нет. Вам не получится. Вы старый. Не дай бог что случится. Так рисковать нельзя.

— А вот хоть доктору вашему поручите. Он моложе меня. Еще потрудится. Главное ведь — утром солнце в небо запустить, верно?

— И не проспать. Этого никак делать нельзя. Я вон и в часовщики пошел, чтобы наверняка проснуться ко времени. А он, — и Сергей Петрович как-то пренебрежительно мотнул головой в мою сторону, — будет ли вставать. Он не часовщик. Нет. Пока сам буду. Помучаюсь.

— Ладно, голубчик. Высыпайтесь днем, пока есть возможность, набирайтесь сил. Идите в палату, отдыхайте.

Все встало на свои места. Я поблагодарил своего учителя за блестяще проведенный диалог.

Вернувшись с работы, я включил телевизор для фона. Пока готовил себе что-то на перекус, мозг зацепил интересный репортаж из Папуа Новой Гвинеи. Журналист бодро представлял улыбающегося темнокожего папуаса, который официально выполнял в племени самую важную функцию. Он каждое утро запускал в небо солнце.

Мне показалось, что он был очень похож на моего Сергея Петровича. Такой же ответственный и надежный.

АЙДА, ПУШКИН!

Мы сидели в сверкающем огнями холле отеля в курортной Хургаде. Ставший уже привычным для многих россиян африканский зной оставался снаружи, а внутри дружно работали кондиционеры.

— Тез-тур! Тез-тур! — оповестил присутствующих о своем появлении очень даже загорелый молодой араб в цыплячье-желтой толстовке с фирменным знаком туркомпании на спине.

Он удобно сел в мягкое кресло и картинно маленькими глотками принялся наслаждаться кофе из маленькой чашечки. Вероятно, он был уверен, что те, кому нужны его услуги, уже должны были услышать его призыв и найти его сами. Впрочем, он был прав на все сто процентов.

Мы и наши товарищи по дате прилета на отдых, рассчитывающие на сверхсервис «за такие бабки», начали тихо закипать от подступающей злости на темнокожего представителя турсервиса Египта. Гаденький голос внутри утомительно нашептывал: «Как же так, он здесь расселся как король, а вы к нему на поклон должны идти! Он должен вас холить и лелеять, собирать по отелю, предлагать и расспрашивать о том, есть ли у вас какие-то проблемы, а потом и решать их вместе с правительством Египта, да и всего Африканского континента».

Но здравый смысл победил тупую гордость, и мы подошли к яркому кудрявому gidу.

Он как-то слишком искренне обрадовался нам и показал все тридцать два зуба в ослепительной улыбке. Я попытался блеснуть своим английским, собирая в памяти примитивную фразу. Начал было, но молодой араб опередил меня: «Я прошу вас говорить со мной только на русском языке. У вас такой прекрасный мелодичный язык».

— «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», — с иронией процитировали мы хором.

— Почему Ленин? Им разговаривал Пушкин! — восторженно парировал араб.

— Вас как зовут, молодой человек? — поинтересовались мы.

— Али, зовите меня Али!

— Али, вы знаете кто такой Пушкин?

— Конечно, знаю! Это великий русский поэт. Его должны знать все в мире. Вы ведь знаете Пушкина, верно?

Али говорил на правильном русском языке без малейшей тени акцента. Удивительно было слышать чистую русскую речь в Африке из уст темнокожего араба.

— Нет, а кто это? — слукавили мы.

— Как, вы не знаете великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина?!

На лице Али сменилась целая череда эмоций и переживаний по поводу такого непростительного незнания.

— Давайте я вам расскажу о нем. Вы обязательно должны о нем узнать. Такого человека на планете трудно было не заметить. Александр Пушкин родился в 1799 году в Москве. Окончил лицей, где у него было много настоящих друзей. Он был очень хорошим другом. Там он поразил своих учителей умением писать стихи.

И сразу по памяти Али начал читать:

*Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,*

*Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.*

Мы открыли рты от восторга. Гордость за соотечественника, стихи которого знают на другом континенте и читают наизусть, переполняла нас.

Али повернулся в профиль, и мы все заметили, что он сам чудесным образом стал похож на молодого Пушкина. Те же кудри, энергия и, как нам показалось, манера читать стихи. Разумеется, мы не знаем, как читал свои стихи сам поэт, но перевоплощение арабского парня-гида в великого русского поэта было поразительным. Али вдохновенно читал отрывок за отрывком:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

Он смотрел куда-то вдаль и даже на слове «выпускаю» открыл воображаемую дверцу клетки.

— Вы знаете, Пушкин очень любил свою няню. Она была ему и как мама, и как бабушка. Она читала ему сказки и пела песни. Ее звали Арина Родионовна. — Только сейчас Али произнес отчество знаменитой няни с акцентом.

Но это уже нас не разочаровало. Мы были в плену обаяния нового Пушкина, его пылких стихов, его заражающей энергетики, его кучерявой шевелюры и цыпляче-желтой толстовки с логотипом популярного тур-оператора.

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.*

Его слова лились от сердца. Интонационно он здорово совпадал с нашим ощущением этих стихов. Он очень хотел, чтобы мы так же полюбили Пушкина, как полюбил его он.

— Ай да Пушкин! — повторили мы слова знаменитого поэта о самом себе, подразумевая его нынешнего двойника.

— Может быть, у вас какие-то проблемы есть? Пожелания есть? — неожиданно спросил Али-Пушкин нас, вероятно, вспомнив о своей основной работе.

— Нет, дорогой! Какие после стихов проблемы и пожелания! Айда, наш Пушкин, выпьем чашечку кофе. «Где же кружка? Сердцу станет веселей!» — радуясь обретению нового друга, компанией направились к барной стойке.

— Почему вы меня называете Пушкиным? Вы ведь его не знали?

— Мы пошутили. А ты очень похож на него.

— Правда?

— Да, Али. То есть Александр Сергеевич! Ты теперь здесь, в Африке, тоже для нас Пушкин. Наш Пушкин.

— Я счастлив! Я оправдаю! Я буду как Пушкин! Но мне до него очень далеко! Я горжусь! Спасибо, мои друзья!

Он заглянул куда-то вдаль. Его глаза наполнились влагой. Правую руку Али отвел в сторону, позволяя душевному устремлению не иметь перед собой даже таких преград, и стал цитировать:

*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче.... погляди в окно:
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит...*

Мы остановили юного декламатора.

— Александр Сергеевич, за окном не снег, а песок! Айда по своим делам. Кто отдыхать и жариться на солнце, а кто и стихи писать.

— А слово «айда» тоже русское? Я такого нигде не встречал. Что оно означает?

— Почти русское. «Айда» значит «пошли». Айда, Пушкин.

